

Материализм

и

критический реализм

П. С. Юшкевич

О философских
направлениях
в марксизме

Размышляя
о марксизме

URSS

2007-5

792

Размышляя о марксизме

П. Юшкевичъ

МАТЕРИАЛИЗМЪ

и

КРИТИЧЕСКІЙ РЕАЛИЗМЪ

(О философскихъ направленіяхъ въ марксизмъ)

П.С.Юшкевич

МАТЕРИАЛИЗМ и КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

О философских направлениях в марксизме

Издание второе, исправленное

URSS

МОСКВА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.

I. О діалектичеськомъ матеріализмѣ:

1. Что такое діалектика?	1
2. Матеріализмъ по ученію Маркса-Энгельса.	10
3. Матеріализмъ Г. Плеханова и его ученіе о „вещи въ себѣ“.	14
4. Философскій матеріализмъ и г-жа Ортодоксъ	26
5. Матеріализмъ, какъ идеологія пролетаріата	34

II. I. Дицгенъ и его философія.

1. Плехановъ и дицгенисты	42
2. Дицгеновская діалектика	46
3. Ученіе о мірѣ и о реальномъ.	52
4. Дуализмъ мышленія и бытія и матеріализмъ Дицгена.	57
5. Описательная теорія науки и причинности.	

III. О „махизмѣ“.

1. „Одно дѣло махизмъ, другое—марксизмъ“.	
2. Плехановъ versus Махъ.	
3. Проблема реальности внѣшняго міра и идеалисти- ческое основное заблужденіе	84
4. Принципъ соотнесенности мышленія и бытія.	93
5. Различныя рѣшенія проблемы внѣшняго міра (имма- нентная школа, Авенариусъ, Махъ и пр.)	100

6. Рѣшеніе той же проблемы съ точки зрѣнія эмпирио- символизма	117
7. Душа и тѣло	132
8. Субстанція и причинность	146

IV. Эмпириомонизмъ г. Богданова.

1. Теорія физическаго и психическаго.	161
2. Ученіе о „вещи въ себѣ“ и возвратъ въ идеализму.	171
3. Самопознаніе эмпириомонизма.	184
Списокъ важнѣйшихъ замѣченныхъ опечатокъ.	

кими узкими и временными социальными образованиями, как большевизм или народничество, подобное „материалистическое“ понимание истории превышает мѣру моего пониманія. Во всякомъ случаѣ принять его я смогъ бы лишь тогда, когда въ пользу этого взгляда приведены были бы какіе-нибудь вѣскіе доводы.

А доводовъ нѣтъ какъ нѣтъ. Есть все, что угодно, но только не доводы. Мы имѣли каламбуры о махизмѣ, имѣли кивки по адресу большевиковъ и народниковъ. Въ арсеналѣ нашихъ ортодоксовъ имѣется, наконецъ, еще одно оружіе противъ махистовъ, на этотъ разъ отравленное,—именно классическое обвиненіе въ государственной измѣнѣ, производящее всегда такой сильный эффектъ въ демократическихъ республикахъ. Такъ г-жа Аксельродъ считаетъ нужнымъ пригвоздить къ позорному столбу тѣхъ людей изъ социалистическаго лагеря, которые помогаютъ буржуазнымъ агитаторамъ въ ихъ борьбѣ противъ философскаго материализма. Другой „ортодоксъ“, черпающій свое философское вдохновеніе въ трудахъ Бухнера и Молешотта, г. Рах—овъ,—эпиграфомъ къ своей статьѣ о Богдановѣ взялъ слова Лассалля: „Господа, васъ обманываютъ, вамъ измѣняютъ!“—Самъ Плехановъ, который умѣетъ обставлять вещи гораздо тоньше, въ своемъ предисловіи къ „Критикѣ“ сдѣлалъ его величеству—партіи—прозрачный намекъ на зловерное вліяніе эмпириомонизма.—Л. Мартовъ—если память мнѣ не измѣняетъ—въ одномъ изъ фельетоновъ „Русской жизни“ за 1907 годъ внезапно обрушился на „развращающую философію Луначарскихъ, Богдановыхъ и Финновъ“; Финнъ былъ здѣсь прихваченъ такъ себѣ, за здорово живешь, вѣроятно, въ силу разсужденія: „ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочешь мнѣ кушать“.

Таковы откровенія нашихъ ортодоксовъ о махистахъ. И замѣйте, что, какъ подобаетъ настоящимъ откровеніямъ, они не сопровождались и тѣнью мотивировки, и видомъ доказательства. Просто—sic placuit superis... Такъ угодно было богамъ. Какъ признавался Плехановъ, „такого доказательства (о невозможности соединенія Маркса съ Махомъ) еще никто не привелъ, напримѣръ, насчетъ эмпириомонизма“¹⁾ („Кр. нашихъ критиковъ“, с. V).

¹⁾ Плехановъ здѣсь, какъ и въ примѣчаніяхъ къ Фейербаху (с. 121), смѣшиваетъ эмпириокритицизмъ съ эмпириомонизмомъ Богданова. Въ предисловіи къ третьей книгѣ „Эмпириомонизма“ Богдановъ указалъ, что это смѣшеніе поконится на недоразумѣніи. Несмотря на это, Плехановъ

Это было сказано два года назадъ, какъ видно по датѣ, которой отмѣчено предисловіе, въ январѣ 1906 г. Но съ тѣхъ поръ ровно ничего не измѣнилось въ смыслѣ приведенія доказательствъ. А между тѣмъ потокъ откровеній не прекращается. Какъ назвать то поведеніе, когда въ продолженіе ряда лѣтъ обвиняютъ людей въ измѣнѣ и предательствѣ—хотя бы и не субъективныхъ, а объективныхъ—и не приводятъ въ подтвержденіе столь тяжкаго обвиненія ни одного—подчеркиваю *ни одного*—доказательства? Представляю подумать надъ этимъ нашимъ любителямъ крѣпкихъ эпитетовъ изъ ортодоксовъ.

2.

Плехановъ versus Махъ.

Какъ мы знаемъ, для Плеханова и его послѣдователей существуетъ основная философская альтернатива: или материализмъ или субъективный идеализмъ. Махизмъ, конечно, зачисляется ими во вторую категорію и, значитъ, признается по существу солипсистической теоріей. Слѣдующая—довольно длинная—цитата изъ плехановскаго предисловія къ Фейербаху покажетъ намъ, какъ ведется это любопытное обвиненіе современнаго критическаго реализма въ солипсизмъ.

„Мнѣ самому не разъ приходилось слышать вопросъ: почему нельзя соединить историческій материализмъ съ трансцендентальнымъ идеализмомъ Канта, съ эмпириокритицизмомъ Авенаріуса, съ философіей Маха и проч.? Я всегда отвѣчалъ на это почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ которыхъ

въ своей замѣткѣ о Чаадаевѣ („Совр. Міръ“, 1908, января) снова пишеть о многихъ изъ нашихъ „марксистахъ“ (гм! гм!), которые увлекаются кантіанствомъ, эмпириомонизмомъ и другими философскими системами, выражающими собой болѣе или менѣе *либеральное*—или болѣе или менѣе *консервативное*, говорите, какъ хотите—настроеніе нынѣшней западно-европейской *буржуазіи*“ (с. 186).

Эмпириомонизмъ не можетъ выражать настроенія европейской буржуазіи по той простой причинѣ, что такого направленія подъ такимъ названіемъ на Западѣ нѣтъ. Эмпириокритицизмъ Авенаріуса совсѣмъ не эмпириомонизмъ Богданова. Отъ такого смѣшенія кости Авенаріуса должны перевернуться въ могилѣ. Плехановъ и не догадывается, что среди русскихъ марксистовъ есть „ортодоксальные“ эмпириокритики—оказывается, есть и такіе,—въ глазахъ которыхъ Богдановъ есть метафизикъ чистѣйшей воды, можетъ быть, не меньшій, чѣмъ самъ Плехановъ.

отвѣчаю теперь. Что касается Канта, то мое примѣчаніе (см. стр. 115—117) показываетъ полную невозможность „соединить“ философское ученіе Канта съ теоріей развитія. Такъ же мало соединимы съ ней и взгляды Маха и Авенариуса, представляющіе собой новѣйшую разновидность философіи Юма. Если послѣдовательно держаться этихъ взглядовъ, то придешь къ *солипсизму*, т. е. къ отрицанію существованія всѣхъ людей, кромѣ самого себя. Не думайте, читатель, что это шутка. Хотя Махъ энергично протестуетъ противъ отождествленія его философіи съ субъективнымъ идеализмомъ Берклея, но этимъ доказывается лишь его непослѣдовательность. Если тѣла или вещи представляютъ собой только мысленные символы нашихъ ощущеній (точнѣе, группъ, комплексовъ ощущеній), и если онѣ не существуютъ внѣ нашего сознанія,—а именно такова мысль Маха,—то отъ субъективнаго идеализма и отъ солипсизма можно отдѣлываться лишь посредствомъ вопіющей непослѣдовательности. И не даромъ одинъ изъ учениковъ Маха, Г. Корнелиусъ въ своей книгѣ „*Einführung in die Philosophie*“ (München, 1903) подошелъ вплотную къ солипсизму. Онъ (ст. 322) признаетъ, что наука не можетъ разрѣшить для человѣка въ положительномъ смыслѣ вопросъ о томъ, существуетъ ли какая-нибудь психическая жизнь, кромѣ его собственной. Это неоспоримо съ точки зрѣнія махизма. Но если существованіе чуждой мнѣ психической жизни остается для меня сомнительнымъ; если,—какъ мы видѣли,—тѣла вообще суть только символы ощущеній, то остается мириться съ солипсизмомъ, чего не рѣшается, однако, сдѣлать Корнелиусъ.

„Надо замѣтить, что Махъ считаетъ Г. Корнелиуса не своимъ ученикомъ, а ученикомъ Авенариуса. Это неудивительно, потому что между взглядами Маха, съ одной стороны, и Авенариуса съ другой,—очень много общаго, какъ это признаетъ, впрочемъ, самъ Махъ. Для философіи Авенариуса,—какъ и для философіи Маха,—вопросъ о томъ, что Фихте называетъ *множественностью индивидуумовъ*, есть главное затрудненіе, съ которымъ она не можетъ справиться иначе, какъ, или признавъ истину матеріализма, или упершись въ тупой переулочекъ солипсизма. Это должно быть очевидно для всякаго мыслящаго человѣка, который дастъ себѣ трудъ прочесть, напримѣръ, вышедшее въ русскомъ переводѣ сочиненіе Авенариуса: „*Человѣческое понятіе о мірѣ*“.

„Само собой понятно, что солипсизмъ можетъ быть „соединенъ“ съ какимъ-нибудь (не только съ матеріалистическимъ) взглядомъ на исторію развѣ только послѣдователемъ Поприщина“ („*Н. Фейербахъ*“, ес. 5—6).

Мы ограничимся одной этой цитатой, такъ какъ ни самъ Плехановъ въ послѣдствіи, ни его ученики—г-жа Аксельродъ и г. Рах—овъ—ничего не прибавили къ содержащимся въ ней соображеніямъ. Этимъ разсужденіямъ Плеханова о Махѣ я противопоставлю утвержденія самого Маха. Читатель сможетъ самъ судить тогда, такъ-ли, на самомъ дѣлѣ, непослѣдователенъ Махъ, когда отказывается отъ отождествленія себя съ субъективными идеалистами. Эти цитаты изъ Маха—по необходимости, еще болѣе обширныя, тѣмъ вышеприведенная выписка изъ Плеханова—введутъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругъ идей этого замѣчательнаго мыслителя:

„Не только человѣчество, но и каждый отдѣльный человѣкъ находитъ въ себѣ, когда онъ пробуждается къ сознательной жизни, готовое міровоззрѣніе, для выработки котораго онъ ничего не привнесъ умышленно отъ себя. Онъ принимаетъ его, какъ даръ природы и культуры. Здѣсь каждый долженъ начинать. Никакой мыслитель не можетъ сдѣлать большаго, какъ исходить изъ этого міровоззрѣнія, развивать его дальше и исправлять, пользоваться опытами предковъ, избѣгать въ мѣру своего пониманія ихъ ошибокъ“ („*Erkenntniss und Irrtum*“, с. 5).

Исходной точкой своего—да и всякаго—философствованія Махъ беретъ, такимъ образомъ, точку зрѣнія наивнаго реализма или, какъ выражается Авенариусъ, естественное понятіе о мірѣ. Далѣе у Маха идетъ описаніе этого естественнаго понятія о мірѣ, которое пѣликомъ совпадаетъ съ описаніемъ Авенариуса ¹⁾.

¹⁾ Вотъ какъ Авенариусъ описываетъ имѣющееся въ началѣ философствованія естественное понятіе о мірѣ:

„Я со всѣми своими мыслями и чувствами находился посреди нѣкоторой обстановки. Эта среда была составлена изъ разнообразныхъ составныхъ частей, находившихся между собой въ разнообразныхъ отношеніяхъ зависимости. Къ средѣ относились также другіе люди съ ихъ разнообразными высказываніями, и то, что они говорили, большей частью снова находилось въ нѣкоторомъ отношеніи зависимости къ средѣ. Вообще, другіе люди говорили и дѣйствовали вообще такъ, какъ и я. Они отвѣчали на мои вопросы, какъ и я на ихъ вопросы; они отыскивали разныя составныя части среды или избѣгали ихъ, измѣняли ихъ или же старались сохранить ихъ неизмѣнными, и что они дѣлали или чего избѣгали, они обозначали словами и объяснили свои основанія и намѣренія относительно дѣла и недѣланія. Все это они дѣлали, какъ и я самъ: и такимъ образомъ я думалъ не иначе, какъ что другіе люди, такія же существа, какъ

«Въ чемъ же заключается это мировоззрѣніе? Я застаю себя въ пространствѣ окруженнымъ различными движущимися въ немъ предметами. Эти тѣла частью „безжизненны“, частью это растения, животныя и люди. *Мое*, также подвижное въ пространствѣ, тѣло для меня точно также видимый, осязаемый, словомъ, чувственный объектъ, занимающій часть чувственного пространственного поля, находящіяся *подлѣ* и *внѣ* другихъ тѣлъ, какъ и эти послѣдніе. *Мое* тѣло отличается отъ другихъ людей помимо индивидуальных признаковъ тѣмъ, что при прикосновеніи къ нему возникаютъ особенныя ощущенія, которыхъ я наблюдаю при прикосновеніи къ другимъ тѣламъ“. *Мое* тѣло я иначе вижу, чѣмъ чужія тѣла, *мой* голосъ я иначе слышу, чѣмъ чужіе голоса и пр.

„Я застаю далѣе воспоминанія, надежды, опасенія, побужденія, желанія, волю и т. д., въ развитіи которыхъ я такъ же не повиненъ, какъ и въ наличности окружающихъ меня тѣлъ. Но съ этой волей связаны движенія *одного* *опредѣленнаго* тѣла, которое черезъ это и черезъ все то, о чемъ говорилось выше, выдѣляется какъ *мое* тѣло. При наблюденіи поведенія другихъ человѣческихъ тѣлъ меня побуждаетъ—наряду съ практической потребностью—сильная *аналогія*, которой я не могу противостоять, даже и противъ моего желанія, приписать другимъ тѣламъ людей и животныхъ надежды, опасенія, побужденія, желанія, волю, связаннымъ съ ихъ тѣлами, подобно тѣмъ, которыя связаны съ *моимъ* тѣломъ. Поведеніе другихъ людей принуждаетъ меня далѣе принять, что *мое* тѣло и

и я самъ—и я самъ такое же существо, «какъ и они» («Человѣческое понятіе о мірѣ», перев. Федорова, с. 9).

Это естественное понятіе о мірѣ складывается, по словамъ Авенариуса, изъ двухъ неодинаковыхъ по формально-логической оцѣнкѣ цѣнностей, изъ нѣкотораго опыта и нѣкоторой гипотезы:

„*Опытъ*—наличное—окутываетъ меня самого и мою среду своими составными частями (къ которымъ причисляются также мои ближніе, т. е. люди). Далѣе опытъ захватываетъ также извѣстныя относящіяся сюда зависимости.

Гипотеза заключается въ истолкованіи, которое я придаю движеніямъ другихъ людей (включая движенія ихъ органовъ рѣчи и производимые этими органами звуки и шумы). Итакъ, гипотеза эта стоитъ въ томъ истолкованіи, что всѣ эти движенія представляютъ собой *высказыванія*, т. е. что они, напр., снова относятся къ звукамъ и шумамъ, или къ нѣкоторому вкусу, или къ нѣкоторому хотѣнію, чувству и т. д., совершенно такимъ же образомъ, какъ это происходитъ при моихъ словахъ и дѣланіяхъ“ (ib. сс. 10—11).

другія тѣла даны *или* такъ же непосредственно, какъ *мнѣ* *ихъ* тѣла и прочія тѣла, но что, наоборотъ, *мои* воспоминанія, желанія и т. д. для *нихъ* тоже только результатъ непреодолимаго заключенія по аналогіи, какъ для *меня* *ихъ* воспоминанія, желанія и т. д. Совокупность того, что дано въ пространствѣ непосредственно для *всѣхъ*, можно назвать *физическимъ*, наоборотъ, то, что дано непосредственно лишь *одному*, а другими заключается лишь по аналогіи, можно пока (предварительно) назвать *психическимъ*. Совокупность того, что дано непосредственно лишь одному, мы будемъ называть также его *Я* (въ узкомъ смыслѣ слова)“.

Далѣе Махъ указываетъ, что находимыя человѣкомъ вокругъ него явленія зависятъ другъ отъ друга; такъ магнитная игла приходитъ въ движеніе, когда къ ней придвинутъ достаточно близко другой магнитъ, и т. д. Поведеніе другихъ людей заставляетъ признать, что эта зависимость явленій другъ отъ друга имѣетъ мѣсто и для нихъ.

При наблюденіи этихъ зависимостей явленій можно разсматривать тѣла людей и животныхъ, какъ безжизненные; за то собственное тѣло оказываетъ существенное вліяніе на результатъ наблюденій. Если я начну вертѣться, то неподвижные до того предметы приходятъ въ движеніе: если я скошу глаза, то увижу тѣла двойными, и т. д. „Такимъ образомъ, составныя части того, что я нахожу въ пространствѣ, зависятъ, вообще говоря, не только другъ отъ друга, но и особенно отъ того, что я нахожу въ *своемъ* тѣлѣ, и это *mutatis mutandis* примѣнимо къ наблюденіямъ *каждаго*. Тотъ, кто приписываетъ *чрезмѣрное* значеніе этой послѣдней зависимости всего *нами* находимаго отъ *нашего* тѣла, тотъ легко приходитъ къ тому, чтобы разсматривать *все* находимое, какъ простой продуктъ нашего тѣла, чтобы *все* считать „*субъективнымъ*“. Но мы всегда имѣемъ передъ глазами пространственное ограниченіе *U* нашего тѣла и мы видимъ, что находимое *внѣ* *U* зависитъ *другъ отъ друга* *точно такъ же*, какъ и отъ находимаго *внутри* *U*. Изслѣдованіе лежащихъ внѣ *U* зависимостей, конечно, гораздо проще и доведено дальше, чѣмъ изслѣдованіе зависимостей, *переходящихъ* черезъ *U*. Но въ концѣ концовъ мы должны ожидать, что послѣднія зависимости *того же* рода, что и первыя, какъ мы все болѣе убѣждаемся въ этомъ изъ прогрессирующаго изслѣдованія чужихъ, лежащихъ внѣ нашей границы *U*, тѣлъ животныхъ и людей. Развитая, все болѣе и болѣе опирающаяся на физику, физиологія можетъ объяснить также субъективныя условія какого-нибудь наблюденія (Befundes). Наивный *субъективизмъ*, принимавшій расходившіяся между собой наблюденія (Befunde)

одной и той же личности при различных обстоятельствах или же различных личностей за различные случаи *иллюзии*, которой онъ противопоставлялъ мнимую, себя равную, *дѣйствительность*, теперь болѣе ужъ не годится. Ибо для насъ дѣло идетъ только о *полномъ* знаніи совокупныхъ условій какого-нибудь наблюденія; только оно имѣетъ для насъ практическій или теоретическій интересъ“ (с. 8).

Затѣмъ Махъ приступаетъ къ своей теоріи элементовъ:

„Мои совокупныя *физическія* наблюденія я могу разложить на неразрѣшимые пока дальше *элементы*: цвѣта, тоны, давленія, теплоты, запахи, пространства, времена и т. д. Обнаруживается затѣмъ, что эти элементы зависятъ, какъ отъ обстоятельствъ лежащихъ вѣн U, такъ и внутри U. Поскольку—и только поскольку—имѣетъ мѣсто послѣдній случай, мы называемъ также эти элементы *ощущеніями*. Такъ какъ ощущенія ближняго даны мнѣ непосредственно такъ же мало, какъ ему мои, то я въ правѣ разсматривать *тѣ же самыя* элементы, на которые я разложилъ физическое, какъ элементы психическаго. *Физическое* и *психическое* содержатъ такимъ образомъ *общіе элементы* и ничуть не стоятъ въ томъ рѣзкомъ противорѣчій, которое обыкновенно принимаютъ. Это станетъ еще яснѣе, если удастся показать, что представленія, чувства, воля, понятія, создаются изъ оставшихся слѣдовъ ощущеній, и значить вполне сравнимы съ послѣдними. Если теперь я совокупность своего психическаго — включая туда ощущенія—назову своимъ *Я въ широкомъ смыслѣ слова* (въ противоположность къ узкому Я с. 6), то въ этомъ смыслѣ я могу сказать, что мое Я содержитъ въ себѣ міръ (какъ ощущеніе и представленіе). Но не надо забывать, что это пониманіе не исключаетъ другого равноправнаго. Эта *солипсистическая* позиція кажущимся образомъ уничтожаетъ міръ, какъ нѣчто самостоятельное, стирая противоположность межъ нимъ и Я. Но граница, которую мы назвали U, продолжаетъ все-таки существовать; но она теперь проходитъ не *вокругъ* узкаго Я, а *посреди* *черезъ* широкое Я, посреди *черезъ* „сознаніе“. Если бы мы не обращали вниманія на эту границу и если бы мы не сятались съ аналогіей нашего Я съ чужими Я, то мы не могли бы даже стать на солипсистическую позицію. Слѣдовательно тотъ, кто говоритъ, что границы Я *непереходимы* для познанія, тотъ имѣетъ въ виду *расширенное* Я, которое содержитъ уже признаніе міра и чужихъ Я“ (с. 9).

На этомъ я оборву пока выдержки изъ Маха. Даютъ ли онѣ какое-нибудь основаніе упрекнуть Маха въ субъективномъ идеализмѣ и солип-

сизмѣ? Правъ ли Плехановъ, утверждая, что только цѣною непослѣдовательности Махъ вырывается изъ солипсистической бездны? Если читатель помнитъ, то главный доводъ Плеханова таковъ: разъ тѣла символы нашихъ *ощущеній* и разъ онѣ не существуютъ *вне нашего сознанія* — то идеалистическій выводъ неизбеженъ. Это безусловно вѣрно, это тавтологически вѣрно, ибо, если тѣла въ конечномъ счетѣ сводятся къ ощущеніямъ, то мы не можемъ выйти изъ границъ ощущающаго субъекта. Но дѣло въ томъ, что все это безукоризненное разсужденіе не имѣетъ никакого отношенія къ теоріи Маха. Для Маха тѣла суть символы — объ этихъ символахъ мы еще будемъ говорить ниже—но не группъ ощущеній, а группъ *элементовъ*. Элементы же, какъ мы видѣли, только въ *известной связи* принимаютъ характеръ „психическаго“, „ощущеній“. Разсматриваемые въ другой связи они носятъ характеръ „физическаго“, „внѣшней вещи“. У Маха, какъ настѣдіе идеалистической точки зрѣнія, осталось еще неточность терминологіи, благодаря которой онъ—особенно въ прежнихъ работахъ — употребляетъ субъективный терминъ „ощущенія“ вмѣсто имъ же введеннаго объективнаго: „элементъ“. Но для вдумчиваго читателя эта терминологическая небрежность не представляетъ затрудненій ¹⁾, и если Махъ пишетъ, напримѣръ, что „не тѣла вызываютъ ощущенія, а *комплексы элементовъ* (комплексы ощущеній) образуютъ тѣла“ („Анализъ ощущеній“, с. 33), то ясно, что эти послѣднія ощущенія, изъ которыхъ складываются тѣла, не есть ощущенія въ обычномъ субъективномъ, опирающемся на дуализмъ „внѣшняго“ и „внутренняго“, смыслѣ слова.

Для Маха, исходящаго изъ естественнаго понятія о мірѣ, не существуютъ ощущеній, какъ ихъ понимаютъ люди, вкусившіе ужъ отъ философской рефлексіи. Для „наивнаго реалиста“, т. е. для человѣка, не прошедшаго еще черезъ горнило философіи — зеленый цвѣтъ листьевъ на деревѣ совсѣмъ не существуетъ, какъ что-то субъективное, лишь *ему* существующее, какъ нѣкое состояніе *его* мозга, психики, его „я“—для него это просто нѣчто „данное“ въ опытѣ, нѣчто вполне реальное, находимое имъ вокругъ себя. Зеленый цвѣтъ—это зеленый цвѣтъ, и онъ находится именно тамъ, гдѣ видитъ его наблюдатель, т. е. не *въ немъ*, не какъ нѣкоторая его функція, а *вне* него. Конечно, потомъ приходитъ рефлексія и путемъ

¹⁾ Махъ даже прямо предупреждаетъ имѣть въ виду, что, когда у него употребляется слово „ощущеніе“ или „комплексъ ощущеній“, дѣло идетъ объ элементахъ, взятыхъ въ определенной связи съ организмомъ. См. „Анализъ ощущ.“, с. 23.

пѣлаго ряда доводовъ заставляетъ измѣнить эту первобытную точку зрѣнія. Въ результатѣ „зеленый цвѣтъ“, оказывается для нея „ощущеніемъ“, „представленіемъ“, „состояніемъ субъекта“, которому „объективно“ соответствуетъ движеніе частицъ эфира или просто нѣкоторый непознаваемый иксъ. Возможно, что эта точка зрѣнія рефлексія правильнѣе точки зрѣнія наивнаго реализма, — этотъ вопросъ мы здѣсь пока не поднимаемъ — но смѣшивать ихъ нельзя, и нельзя поэтому категорій и понятій, выросшихъ на почвѣ рефлектирующей такимъ образомъ мысли смѣшивать съ категоріями естественнаго міропонятія. „Зеленое“ (а также „сладкое“, „тяжелое“, „теплое“ и т. д.) въ смыслѣ наивнаго реализма и есть то, что Махъ называетъ элементомъ.

Кто не усвоилъ себѣ этого основного различія между „элементами“, какъ понимаетъ ихъ Махъ, и ощущениями, для того все міровоззрѣніе Маха осталось книгой за семью печатами. Можно думать, что вся эта теорія элементовъ въ корнѣ фальшива, но нельзя вмѣсто нея подсовывать Маху грубо идеалистическую систему.

Махъ исходитъ изъ точки зрѣнія наивнаго реализма. Но, какъ онъ и самъ дальше замѣчаетъ, этотъ возвратъ къ первобытному штандпункту есть *искусственная* наивность, это реализмъ, но критически очищенный, это — критическій реализмъ. Поэтому въ міровоззрѣніи Маха нѣтъ такой основной категоріи наивнаго мышленія, какъ твердое, неизмѣнное „я“. „Я“, „ты“, „онъ“, „мой“, „твой“ и т. д. — всѣ эти умышленно отмѣченныя Махомъ, какъ мы видѣли, курсивомъ слова — для него просто извѣстны болѣе или менѣе устойчивыя связи элементовъ, текучаго содержанія. „Я вижу *зеленый* цвѣтъ“: для дуалистическаго мышленія эта фраза образно сводится приблизительно къ тому, что нѣкій неизмѣнный субъектъ какъ бы набрасывается на міръ вещей и вырываетъ изъ нихъ себѣ въ жертву „зеленое“. Въ данный моментъ „Я“ пытается, такъ сказать, „зеленымъ“, въ другой разъ „сладкимъ“, затѣмъ „теплымъ“ и т. д. — но это все тоже гордое, неизмѣнное „я“, все тотъ же субъектъ, то же „подлежащее“, относительно котораго остальные части міра являются его „дополненіями“, опредѣленіями и пр.

Для Маха же эта мысль: „я вижу зеленое“ представляетъ нѣчто гораздо болѣе скромное. Она означаетъ лишь, что въ той связи элементовъ, состоящей изъ такого-то индивидуализированнаго тѣла, связаннаго съ такими-то желаніями, воспоминаніями и пр., которую мы называемъ словомъ „я“, появился въ извѣстный моментъ новый элементъ — „зеленое“. Махъ

поэтому всецѣло присоединяется къ знаменитому афоризму Лихтенберга, сказанному о декартовомъ „*cogito ergo sum*“ (я мыслю, слѣдовательно существую): какъ говорятъ „свѣтаетъ“, „смеркается“ и пр., такъ слѣдовало бы говорить не „я мыслю“, а „мыслится“¹⁾. Поэтому съ маховской точки зрѣнія слѣдуетъ говорить не: „я вижу зеленый цвѣтъ“, а: „зеленый цвѣтъ видится“.

Какъ можно міровоззрѣніе, уничтожающее понятія о „я“ и „самомъ“, какъ нѣкихъ реальныхъ сущностяхъ, упрекать въ солипсизмъ? Для Маха „я“ это только ограниченная группа элементовъ въ безбрежномъ міровомъ океанѣ элементовъ. Съ его точки зрѣнія идеалистическій тезисъ: „міръ есть мое представленіе“ сводится къ вздорному утвержденію, будто безконечное цѣлое есть часть своей ничтожной части. Для Маха это почти геометрическая нелѣпость, такая же, какъ если бы сказали, что вселенная есть только одна изъ частей человѣческаго тѣла.

Идеалистическое ученіе, что міръ есть наше представленіе — изъ котораго, какъ мы вскорѣ увидимъ, исходятъ и наши ортодоксы, поднимающіе такой шумъ по поводу идеализма „молодыхъ“ — съ точки зрѣнія Маха представляетъ абсурдъ, при томъ не простой абсурдъ, а абсурдъ въ квадратъ, абсурдъ въ кубѣ. Во-первыхъ міръ не есть „представленіе“, „ощущеніе“ или вообще что-нибудь „субъективное“, „психическое“: міръ состоитъ изъ элементовъ, которые только въ извѣстной группировкѣ носятъ характеръ „психическаго“, „представленія“. Во-вторыхъ, міръ не есть нѣчто „мое“: не міръ часть „меня“, а „я“, какъ нѣкоторая временная комбинація, часть міра. Въ третьихъ и въ четвертыхъ, какъ понятіе „я“, такъ и понятіе „представленія“, не имѣютъ смысла внѣ дополняющихъ ихъ понятій о „ты“ и о „реальномъ“, „объективномъ“. Какъ правильно замѣчаетъ Махъ (см. выше), если бы „мы не считались съ аналогіей нашего Я съ чужими Я, то мы не могли бы даже стать на солипсистическую позицію“, т. е. только на почвѣ признанія чужихъ „Я“ и реальности міра можетъ возникнуть мысль объ ихъ отрицаніи, не имѣющая внѣ этого признанія никакого уловимаго смысла: солипсизмъ есть самоуничтожающаяся точка зрѣнія.

¹⁾ См. G. Ch. Lichtenbreg's angewählte Schriften, изд. Рекламы, с. 75.